

**ПРОБЛЕМА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ
О ЗАДЕРЖАНИИ ПРЕСТУПНИКА ГРАЖДАНСКИМ ЛИЦОМ
КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, УСТРАНЯЮЩЕГО УГОЛОВНЫЙ
ХАРАКТЕР ДЕЯНИЯ**

Александр МУЩИНСКИ, студент факультета права и социальных наук,
Бельцкий государственный университет имени Алеку Руссо
Научный руководитель: **Анатолие ФАЙГЕР**, др., конф.

Rezumat: *În articol sunt analizate problemele aplicării practice a articolului 37 din Codul Penal al Republicii Moldova privind reținerea infractorului drept cauză care înlătură caracterul penal al faptei. Articolul identifică niște aspecte discutabile ale reținerii infractorului, identifică condițiile care determină legalitatea aplicării atât a prevederilor articolului în general, cât și a condițiilor ce caracterizează acțiunile persoanei care efectuează reținerea. Acest articol prezintă o analiză detaliată care sintetizează ipostazele naționale și internaționale ale formulării prevederilor privind reținerea infractorului, precum și abordări socio-logice și penale ale percepției instituției juridice studiate.*

Cuvinte-cheie: *reținerea infractorului, organele de ocrotire a ordinii de drept, cetățean, cauzarea de daune, cauza care înlătură caracterul penal al faptei, infractorul, infracțiune.*

Институт задержания преступника как правовой феномен, регулирующий общественно полезное поведение лиц, исходящее из органической социальной солидарности и высокой правовой сознательности, является одним из инструментов противодействия криминальному поведению. Данное правовое явление является характерным признаком высокой общественной вовлеченности населения в обеспечение общественного порядка и реализацию принципа неотвратимости наказания. Особый интерес вызывает институт задержания преступника в контексте социально-правовой активности лиц, не обладающих специальным юридическим или процессуальным статусом либо специальными полномочиями.

Так, в соответствии со статьёй 168 Уголовно-Процессуального Кодекса Республики Молдова [1, ст. 168] и статьёй 37 Уголовного Кодекса Республики Молдова [2, ст. 37], любое лицо может осуществлять деятельность по задержанию преступника, при этом не попадая под уголовную ответственность, если в процессе задержания осуществляло деяния, охватываемые Особенной Частью Уголовного Кодекса Республики Молдова, с целью задержания лица и передачи его правоохранительным органам.

Данное обстоятельство считается устраняющим уголовный характер деяния, ввиду того что в поведении лица отсутствует признак общественной опасности. Наоборот, деятельность по минимизации преступности, защите общественных интересов, защите правопорядка, предотвращению распространения криминогенной обстановки в социуме следует рассматривать как социально полезное поведение, которое должно поощряться, а не санкционироваться национальным законодательством [5, с. 29-30]. Однако институт задержания преступника остаётся одним из наиболее проблемных, противоречивых и слабо урегулированных в национальном уголовном законодательстве, что, в свою очередь, создаёт правовые риски для юридически сознательных лиц, реализующих деятельность по задержанию преступников, делая их мишенью для уголовных производств по дискуссионным положениям действующего Уголовного Кодекса Республики Молдова.

Итак, под задержанием преступника уголовный закон понимает совершение лицом деяний, осуществляемых с целью задержания лица, совершившего преступление, и передачи его правоохранительным органам [2, ст. 37].

В данном контексте следует выявить условия, которые формируют основания для задержания соответствующего лица. Бесспорным является положение, что задерживаемое лицо должно совершить преступление, т.е. наносящее вред деяние, предусмотренное уголовным законом, совершённое виновно и уголовно наказуемое [2, ст. 14]. С другой стороны, в доктрине выделяются и дополнительные условия, которые касаются обоснованности применения мер по задержанию лица [3, с. 309-310]:

- преступление должно являться достаточно тяжким по характеру и степени общественной опасности;

- поведение лица направлено на скрытие с места преступления, заметание улик и т.п.: то есть лицо, совершившее преступление, дополнительно совершает деяния с целью избежать уголовную ответственность и скрыться от правосудия.

Выделенные дополнительные условия являются доктринальным толкованием института задержания преступника: они вызывают разногласия, разночтения и споры в своей юридической природе, поэтому можно сформулировать вывод, что единого понимания оснований для задержания лица не имеется. Национальное законодательство выделяет исключительное условие в лице «совершения преступления», т.е. любого деяния, квалифицированного Уголовным Кодексом как преступного. Аспекты тяжести совершённого деяния, а также поведения лица можно считать факультативными, поскольку уголовный закон не выделяет их обязательность.

Так, толкование условий обоснованности «задержания преступника» сталкивается со следующими проблемными позициями:

1. Само по себе наименование статьи вызывает сомнение. Так, «преступником» в процессуальном смысле может являться лишь лицо, которому вынесли окончательный судебный приговор, в котором декларируется его виновность в совершении конкретного преступления. Если исходить из данного процессуального смысла, положение статьи «Задержание преступника» следует рассматривать исключительно в контексте бегства лица после вынесения приговора. Естественно, что законодатель имел в виду не процессуальный смысл понятия «преступник», а социально воспринимаемый контекст данного понятия, т.е. под «преступником» в контексте исследуемой статьи понимается лицо, которое непосредственно совершило преступление. Таким образом, законодатель, исходя из приверженности лаконичности, вводит понятие, которое противоречит существующей понятийно-правовой системе национального законодательства. Так, более корректной формулировкой было бы «Задержание лица, совершившего преступное деяние». Данная лингвистическая структура не вызывает понятийно-правовую коллизию и не требует дополнительной интерпретации понятия с точки зрения его общественного (т.е. ненормативного) понимания, в котором лицо считается преступником с момента совершения им преступного деяния, а не вынесения приговора судебной инстанцией.
2. Вторым проблематичным аспектом является понимание тяжести и общественной опасности совершённого лицом преступного деяния. Так, некоторые авторы указывают на обязательность хотя бы тяжкого преступления, в то время как другие говорят о совокупности характера и степени опасности совершённого деяния в контексте не столько тяжести, сколько понимания о важности безотложного задержания лица [3, с. 310]. Одним из «классических» примеров в этом

смысле является совершение деяния, предусмотренного статьей 245¹⁰ УК РМ: «незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну» [9, с. 64]. В этом контексте, вероятно, следует говорить о пропорциональности наносимого лицу вреда в результате данного задержания, а не об отсутствии оснований для оногo, поскольку тогда простой грабёж [2, ч. (1) ст. 187] не будет основанием для задержания лица, ввиду того что по характеру и степени общественной опасности он относится к преступлениям средней тяжести. Таким образом, говоря о важности критерия тяжести совершённого лицом деяния, авторы доктрины нарушают системность норм уголовного законодательства, искусственно выводя некоторые защищённые уголовным законом общественные отношения, ценности и блага за парадигму возможности их нормативно-правовой защищённости гражданскими средствами. Поскольку сама по себе норма включает обобщённое понятие «преступление», не следует производить ограничительное толкование, вводя дополнительные критерии, особенно учитывая специфику исследуемой нормы. Данная специфика проистекает из факта правовой сознательности граждан, которые не являются специалистами в праве, а значит, и самостоятельно определять тяжесть совершённого деяния, выявляя его квалифицирующие признаки, они не должны. Соответственно, тяжесть деяния не следует воспринимать в качестве условия применения положений статьи о задержании преступника.

3. Третий проблематичный аспект вытекает из вышеописанной гражданской направленности положений исследуемой статьи. Юридическим основанием квалификации совершённого деяния как преступления является наличие состава преступления [7, с. 588-589]. В этом контексте «явными» являются объективные элементы совершённого деяния, в то время как субъективные элементы являются невозможными для точной идентификации лицом, не обладающим соответствующей компетенцией. Доктрина основное внимание отводит понятиям «вменяемость» и «возраст» [12, с. 221-222], определяющим, является ли лицо, совершившее предусмотренное уголовным законом деяние, субъектом конкретного состава преступления. Так, в соответствии с нынешним положением статьи 37 УК РМ, производить действия по задержанию лица возможно лишь в том случае, если тот совершил преступление, а значит, факторы возраста и вменяемости (а также остальные «специальные» признаки субъекта) должны учитываться, но положение статьи чаще всего применяется в стрессовой и экстренной ситуации, которая характеризуется эмоционально нестабильной средой. Так или иначе, совершение действий по задержанию лица в большинстве случаев проистекает в обстановке,

провоцирующей душевное волнение. Значит, идентификация каких-то существенных индикаторов личности «преступника», например, в случае его попытки бегства с места совершённого преступления, является чрезмерно затруднительной и противоречит самой социально-юридической природе исследуемого правового института.

Если возраст является проблемным для идентификации лишь в нижнем его пределе, то определение вменяемости чаще всего является невозможным без профессиональной оценки специалиста [13, с. 35-36]. Так, состояние патологического опьянения, исключаящего вменяемость лица, не имеет явных внешних проявлений, а может устанавливаться лишь последующей экспертизой. С другой стороны, тяжкие психические заболевания (например, шизофрения) могут иметь латентный характер, а значит, их точное обнаружение в момент появления необходимости задержания лица является невозможным. Даже если психические заболевания имеют медицинское подтверждение, особыми «внешними» признаками, легко считываемыми гражданскими лицами, они не обладают.

Тем не менее данная проблема является принципиальной, поскольку невменяемое лицо, совершившее преступное деяние, не может подвергнуться задержанию, ввиду того что отсутствуют юридически обязательные признаки субъекта преступления, а значит, лицо, совершившее действия по задержанию такого лица, не будет выступать в правовой среде, устраняющей уголовный характер деяния. В данном контексте следует изменить понятие «преступление» на понятие «преступное деяние», тем самым оставив существенной лишь идентификацию объективной стороны преступления. Предлагаемая лингвистическая конструкция позволит убрать с лиц, осуществляющих задержание, необходимость точного определения в стрессовой ситуации спорно определяемого возраста лица и неопределяемой степени его вменяемости и иных неочевидных для гражданских лиц признаков состава преступления.

Следует уточнить, что под данным определением следует понимать в том числе как совершение деяния в форме соучастия (любим из видов соучастников), так и совершение неоконченного преступления (т.е. приготовления и покушения).

4. Следующее спорное положение касается отрасли права, регулирующей поведение лица, совершившего противоправное деяние. Законодатель исходит из уголовной ипостаси совершённого деяния, однако некоторые составы преступлений идентичны по своей «явной» части с контравенционным правом (например, уголовное или контравенционное регулирование кражи зависит от суммы тайно похищенного

чужого имущества [8, с. 137]). В этом контексте разграничить данные деяния гражданскими лицами будет проблематично, если сумма кражи является трудно определяемой. С другой стороны, если лицо, осуществляющее задержание, может в точности определить сумму, похищенную в результате кражи, оно может не знать той ценностной грани, которая отделяет контравенционную кражу от уголовной. В этом смысле невозможно говорить и о казусе (невиновном деянии), поскольку в рамках правовой системы существует презумпция знания закона. Так, лицо, задержавшее «преступника», осуществившего кражу, подпадающую под контравенционную ответственность, подлежит уголовной ответственности, что безусловно негативно влияет на привлекательность применения института «задержания преступника». С другой стороны, деяния, которые очевидно относятся к правонарушениям, не должны служить основанием для задержания лица. Таким образом, возникает существенная трудность в идентификации корректной лингвистической конструкции, которая, с одной стороны, будет в комплексности охватывать уголовное законодательство, а с другой – разграничивать деяния, схожие по своей объективной стороне с преступлениями, но являющиеся правонарушениями, и деяния, которые явно относятся к контравенционной сфере. Так, формулировка, объединяющая противоправные деяния, схожие по своей объективной стороне, но отличающиеся лишь размером причинённого вреда, была бы уместной в конструкции диспозиции рассматриваемой статьи.

5. Следующим дискуссионным аспектом является вынужденность причинения вреда. Диспозиция статьи о «задержании преступника» лишена лингвистической конструкции, определяющей возможность задержания лица правоохранительными органами либо иными средствами. Такая формулировка, тем не менее, знакома законодателю: например, она используется в рамках положений статьи о крайней необходимости, регулирующей положение, что опасность «не может быть устранена иным способом» [2, ч. (2) ст. 38]. В этом смысле некоторые авторы придерживаются точки зрения, что лицо, осуществляющее задержание, не должно иметь иных инструментов для достижения правосудия. Так, в доктрине появляются «дополнительные» условия, характеризующие поведение лица [10, с. 109-112]. Особенно часто встречаются упоминания о попытке лица скрыться с места совершённого общественно опасного деяния, а также о попытке уничтожить улики и пр. То есть в доктрине выделяются те аспекты поведения, которые при своей реализации могут препятствовать привлечению лица к уголовной ответственности. Законодатель, в свою очередь, никаких дополнительных конструктов поведенческой линии лица не определяет, а также не говорит об вынужденном характере задержания. В этом

контексте, например, гражданин может арестовать лицо, которое, по точным сведениям, совершило преступное деяние, а затем передать его в правоохранительные органы вне зависимости от того, могли ли представители правоохранительных органов оперативно отреагировать на сообщение о нахождении лица либо нет. Анализируя сущность исследуемого института, можно говорить о том, что невключение параметра «вынужденности» является оправданным, поскольку риск в контексте задержания конструирует не фактор вынужденности, а фактор сопоставимости используемых методов задержания и характера опасности, исходящей от задерживаемого лица. С другой стороны, вынужденность как регулирующий аспект может касаться не столько факта задержания лица), сколько причинения вреда [3, с. 311], т.е. вынужденным должно являться не само задержание, а, например, телесный вред, причиняемый в рамках такого задержания. Безусловно, без сопротивления задерживаемого наносить ему телесные повреждения недопустимо, однако данное явление характеризует не столько обоснованность самого задержания, сколько условия правомерности деяний, реализуемых задерживающим в рамках такого задержания [6]. Так, по отношению к вынужденности ущерба принимается следующее правило: «применение насилия было крайней мерой, задержание иными – более мягкими – средствами было неосуществимо» [14, с. 143]. Фактически нанесение вреда в этом контексте должно быть безальтернативным: достичь цели задержания лица возможно исключительно путём причинения некоего ущерба задерживаемому. [14, с. 143]. Так или иначе, оба из вышеописанных понимания обязательности не фигурируют в диспозиции статьи, что делает дополнительное включение условий «расширительным» толкованием положений уголовного законодательства, соответственно, данное положение следует интегрировать в диспозицию исследуемой статьи.

6. Также следует отдельно проанализировать обоснованность суждения задерживающего лица о том, что задерживаемое лицо реально осуществило преступное деяние. Споры не возникают относительно задержания, которое реализуется после того, как правоохранительные органы официально объявили лицо в розыск. Тогда следует говорить об официальнойности источника информации и, соответственно, заведомой правомерности задержания. Также противоречия не возникают в контексте интерпретации положений исследуемой статьи в случае, когда задерживающее лицо было очевидцем совершённого противоправного деяния [8, с. 136]. Так, «очевидцем» может выступать как сама жертва, когда преступное посягательство закончилось, а значит, положения о необходимой обороне более не действуют [4], так и свидетели совершённого противоправного деяния. То есть

источником информации о преступном деянии бесспорно может выступать официальный публичный орган и сам задерживающий.

Проблема же возникает в случае, если лицо использовало информацию, полученную из третьих уст. В данном контексте некоторые авторы говорят о невозможности применения положений о задержании преступника [8, с. 136-138], ввиду того что источником информации о совершённом преступном деянии является ненадёжный субъект либо субъект, чья надёжность является спорной. И именно ввиду того, что источник такой «косвенной» информации является спорным, высока вероятность причинения вреда лицу, которое не совершало никаких противоправных деяний. Однако подобная интерпретация института задержания преступника ведёт к снижению уровня органической солидарности и соответствующей атомизации индивида в рамках социально-правовой среды. Подобная провозглашаемая индифферентность как аспект защиты от «мнимых задержаний» явно противоречит духу исследуемого правового явления, поэтому не может являться главенствующей при толковании уголовно-правовой нормы. Значит, показания «третьих лиц» должны считаться достаточными, если, исходя из обстановки, аргументированности доказательной базы или личного доверия к источнику информации, задерживающее лицо воспринимало задерживаемое лицо, как реализовавшего противоправное деяние.

В этом контексте мнимость задержания как основания для привлечения лица за преступление, совершённое по неосторожности (в форме небрежности: лицо не осознавало преступный характер деяния, не предвидело возможности наступления вредных последствий, однако при должной внимательности и осмотрительности должно было и могло их предвидеть), возникает в случае, когда лицо пользуется слухами и домыслами как источником информации о преступном деянии. Однако достаточной степенью основательности считаются и следы, обнаруженные на теле, одежде, в транспортном средстве или жилище задерживаемого, которые явно связывают противоправное деяние и данное лицо [14, с. 142-143]. Безусловно, можно считать такие доказательства «прямыми», но, например, нож, которым было совершено умышленное убийство, подкинутый на заднее сидение чужого автомобиля, создаёт основу для двойственного восприятия такого характера обоснованности, ввиду того что на момент задержания лицо пользовалось личными выводами о преступной деятельности задерживаемого, а значит, такая психо-интеллектуальная деятельность подпадает под понятие «домыслы». С другой стороны, ошибка может возникать и в неверной интерпретации информации о личности виновного. Так, даже используя достоверную информацию, задерживающее лицо может осуществлять действия по задержанию другого лица, ошибочно воспринятого им как лицо, непосредственно причастное к преступному деянию. В данной ситуации следует исходить из параметра «внима-

тельности и осмотрительности» как фактора, влияющего на определение виновности задерживающего лица. Так, например, если был задержан брат-близнец, явно следует говорить о казусе, а не о небрежной вине. Закон должен действовать аналогичным образом в случае, когда лицо задерживает другое, основываясь на уликах, явно и прямо указывающих на задерживаемого, даже если оные в итоге не подтверждают его виновность.

Помимо условий, обуславливающих законность применения мер о задержании «преступника», следует отдельно выделить и условия, характеризующие законность деяний лица, осуществляющих задержание. В этом контексте Уголовный Закон фактически не предлагает никаких условий, ограничиваясь формулировкой о цели, которая должна заключаться в «задержании лица и передачи его правоохранительным органам» [2, ст. 37]. Никакие лимиты, явно указывающие на пределы наносимого вреда при задержании, не обозначены: их можно косвенно выявить в формулировке цели. Так, если целью является задержание лица и передача его правоохранительным органам, значит совершаемые в рамках такого задержания деяния должны быть достаточными для реализации обоих из обязательных целей. Но достаточность как таковая определяет лишь нижнюю границу причиняемого вреда, при этом не касаясь верхнего предела. В результате доктринально бесспорными являются следующие условия [3, с. 310-312]:

- Может быть задержано только лицо, совершившее противоправное деяние.
- Деяния по задержанию лица, а также вред от них может быть причинен исключительно задерживаемому лицу.

В этом контексте дискуссионными являются следующие аспекты, касающиеся правомерности действий задерживающего:

1. Главной проблемой является определение временных промежутков, когда задержание является легитимным [11]. С этой точки зрения началом отсчёта безусловно является момент совершения лицом противоправного деяния и прекращения противоправной деятельности, поскольку в случае её реализации будут применяться меры по необходимой обороне от действительного преступного посягательства [4]. И если консенсус относительно начала возможности применения мер по необходимой обороне был достигнут, то вопрос о конце срока является спорным. Авторы, которые настаивают на исключительно «вынужденном» применении мер по задержанию преступника, аргументируют максимально узкие временные промежутки [11], вмещающие деятельность лица по скрытию с места преступления, а также сопряжённую с уничтожением улик, заметанием следов и т.п. деятельность.

Диспозиция исследуемой статьи ответа на вопрос не даёт, поэтому второй «идеей» в этом контексте является срок давности, характеризующей привлечение лица к уголовной ответственности по соответствующей со-

вершённого деяния статье [13, сс. 34-36]. Спорность состоит в направленности положений статьи на гражданское общество, которое невозможно понуждать к корректной квалификации совершённых противоправных деяний одновременно с понуждением высчитывания сроков давности привлечения к уголовной ответственности, а равно и процессуальным срокам, возникающим вследствие судебного или досудебного разбирательства.

Третья позиция состоит в том, что рассчитывать на знание сроков гражданским обществом невозможно, соответственно, верхней границы временного промежутка задержания преступника нет [11]. Данная концепция хоть и решает проблему, выявившуюся при учёте исключительно сроков давности привлечения к уголовной ответственности, однако создаёт хаос с точки зрения ущемления прав самого лица, совершившего противоправное деяние. Такое «расширительное» толкование времени ведёт к тому, что лицо может быть задержано за совершение противоправного деяния в любой момент. Более того, если напрямую толковать словосочетание «лицо, совершившее преступление», фигурирующее в диспозиции статьи, то можно сделать вывод, что лицо может быть задержано даже после того, как отбыло наказание за совершённое преступление, что категорически противоречит основам правовой системы. Причастная форма глагола «совершать» («совершившее») не указывает на факт привлечения к ответственности, а лишь на факт совершения противоправного деяния в неопределённом прошлом. Однако такое буквальное толкование лингвистической конструкции будет излишним.

Исходя из вышесказанного, временем возможности реализации задержания следует считать время сохранения совершённым противоправным деянием своего юридического значения. Такая формулировка не является идеальной, поскольку криминализирует поведение задерживающего лица, например, узнавшего о виновности некоего лица в карманной краже спустя 5 лет после совершения им противоправного деяния, однако такие случаи выступают как исключения и скорее подходят под невиновное мнимое задержание, несколько конфликтующее с презумпцией знания закона, однако более широкая интерпретация времени ведёт к существенному ущемлению прав и свобод лиц, совершивших противоправное деяние.

2. В доктрине споров относительно выделения целей не наблюдается, однако возможно выделить следующие противоречивые моменты. «Двойная» цель, заключающаяся в задержании лица и дальнейшей его передачи правоохранительным органам, оставляет пространство для существования иных целей. Так, озвученная законом цель может выступать дополнительной по отношению к основной, и в таком случае уголовный закон не должен рассматривать совершённое деяние как обстоятельство, устраняющее уголовный характер деяния. Например, может быть задержан свидетель по делу, который реально совершил до этого противоправное деяние, одна-

ко само задержание происходит не из благородных целей достижения правосудия, а из личного интереса, удовлетворяемого лицом лично либо через посредников. Безусловно, цель задержать лицо и передать его правоохранительным органам существовала, но данная поведенческая модель выступала скорее средством реализации иной цели, заключенной в нежелании допустить включение заявлений свидетеля в материалы по уголовному разбирательству. В таком случае соблюдаются все условия законности задержания, однако нарушается сам дух направленности этого института.

3. Существующий спор о допустимых мерах задержания возникает из критериев обязательности и пропорциональности наносимого вреда и характера и степени общественной опасности совершённого задерживаемым лицом преступного деяния. Некоторые авторы говорят об активном противодействии задержанию как фактора, определяющего применяемые при задержании меры [3, 7, 8, 9, 13], однако в случае прямого посягательства на задерживающего следует говорить о необходимой обороне [4]. В этом контексте такое обстоятельство, как наличие прямого насильственного физического сопротивления не следует учитывать при анализе пропорциональности мер задержания и преступных деяний, совершённых задерживаемым. С другой стороны, характер и степень общественной опасности совершённого деяния [10] также является относительной концепцией. Например, лицо в соучастии совершило умышленное убийство из садистских побуждений, однако на момент задержания лицо находится в одиночестве, полностью безоружно и прогуливается по парку. Соответственно, чрезвычайная опасность совершённого преступного деяния никак не может характеризовать вред, который может применить задерживающее лицо, ввиду сложившейся обстановки. Далее, возьмём в качестве примера лицо, совершившее террористический акт, сопряжённый с умышленным убийством нескольких лиц, попавшее потом в аварию и передвигающееся на момент задержания на инвалидной коляске. В данном случае опять характер и степень общественной опасности никак не характеризуют меры, которые допустимо применять при задержании преступника.

Значит, дискуссионный аспект о причинении смерти [12, с. 221-222] следует признавать нелегитимным, ввиду противоречия цели, направленной на передачу задержанного правоохранительным органам. Естественно, задержанный должен передаваться в живом состоянии, однако меры задержания должны соответствовать не характеру и степени общественной опасности совершённого деяния, а характеристике обстановки, в которой производится задержание. Так, вооружённое лицо, совершившее кражу, может быть подвергнуто большему вреду при задержании, чем лицо, совершившее умышленное убийство, но на момент задержания находящееся в безоружном состоянии. С другой стороны, следует учитывать и физические показатели задерживающего, тем самым понимая легитимность

размеров причинённого вреда с позиции концепции субъективно воспринимаемой достаточности и объективно существующей сопоставимости, т.е. следует учитывать характер обстановки задержания в целом: место, время, поведение задерживаемого, вооруженность сторон и т.д. [14, с. 144]

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, положение статьи 37 УК РМ следует переработать следующим образом:

Статья 37. Задержание лица, совершившего преступное деяние.

(1) Не является преступлением деяние, предусмотренное уголовным законом, совершённое с исключительной целью задержания лица, совершившего преступное или схожее с таковым деяние, и передачи его правоохранительным органам.

(2) Не признаётся действовавшим в рамках задержания лица, совершившего преступное деяние, лицо, которое в момент задержания осознанно наносило задерживаемому лицу вред, явно не соответствующий обстоятельствам задержания.

Библиография:

1. *Codul de Procedură Penală al Republicii Moldova*, nr. 122-XV din 14 martie 2003. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 248-251 art. 699, 05.11.2013
2. *Codul Penal al Republicii Moldova*, nr.985-XV din 18 aprilie 2002. În: Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr.72-74, art. 195, 18.04.2002
3. BOTNARU, Stela, ŞAVGA, Alina, GRAMA, Mariana,... *Drept penal. Partea generală*: [man.], Cartier, 2005 (Combinatul Poligr.), 624 p. (pp. 309-315). ISBN 9975-79-329-0
4. RUSU, Vitalie, ZABULICA (ȚURCAN), Ana. *Delimitarea prejudiciului cauzat în situația reținerii infractorului de prejudiciul adus în condițiile legitimei apărări*. [On-line] (дата обращения: 21.03.2023) Доступно: http://dspace.usarb.md:8080/xmlui/bitstream/handle/123456789/4137/rusu_delimitarea.pdf?sequence=1&isAllowed=y
5. ȚURCAN-ZABULICA, Ana. Caracterul juridico-social al legalității cauzării de prejudicii în procesul reținerii infractorului. În: *Legea și Viața, octombrie 2017*, pp. 29-33 ISSN 2587-4365
6. ULIANOVSCI, Xenofon. Starea de extremă necesitate și reținerea infractorului: Aspecte juridico-penale militare. În: *Revista Națională de Drept*, №8, 2015, pp. 10-14 ISSN 1811-0770
7. АГАФОНОВ, Виктор. Недостатки конструирования нормы, предусмотренной статьей 38 уголовного кодекса Российской Федерации: взгляд эксперта-практика. В: *Юридическая техника*, № 16, 2022, сс. 587-590 [On-line] (дата обращения: 10.04.2023) Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/nedostatki-konstruirovaniya-normy-predusmotrennoy-statiei-38-ugolovno-go-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-vzglyad-eksperta-praktika>
8. АГАФОНОВ, Виктор. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: модернизация законодательства и практики его

- применения. В: *Юридическая наука и практика*. Вестник Нижегородской Академии МВД России, №3 (59), 2022, сс. 134-140 [On-line] (дата обращения: 10.04.2023) Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichinenie-vreda-pri-zaderzhanii-litsa-sovershivshego-prestuplenie-modernizatsiya-zakonodatelstva-i-praktiki-ego-primeneniya>
9. БУЖОР, В., ГУЦУЛЯК, В., СПЫНУ, И. *Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Молдова (Общая Часть)*, Кишинэу, IP „Centrul de Instruire și Cercetare”, 2010, 227 с.
 10. ДЕСЯТОВА, Ольга. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран. В: *Юридическая наука и правоохранительная практика*, №3(49), 2019, сс. 106-114 [On-line] (дата обращения: 10.04.2023) Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-prichineniya-vreda-pri-zaderzhanii-litsa-sovershivshego-prestuplenie-v-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii-i-zarubezhnyh>
 11. ДЖИНДЖОЛИЯ, Рауль, ЖИРОВ, Руслан, БАЛКИЗОВА, Мадинат. *Определение временных пределов правомерного причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление*. [On-line] (дата обращения: 21.03.2023) Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-vremennyh-predelov-pravomernogo-prichineniya-vreda-pri-zaderzhanii-litsa-sovershivshego-prestuplenie/viewer>
 12. МАКОВЕЦКАЯ, Татьяна, ЭРТЕЛЕВА, Дарья. Проблемные аспекты правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. В: *Государственная служба и кадры*, №2, 2021, сс. 219-223 DOI 10.24411 /2312-0444-2021-2-219-223
 13. ПЕТРУШЕНКОВ, Александр. Правомерное причинение вреда лицу, совершившему преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации. В: *Вестник Белгородского юридического института МВД России*, №2, 2021, сс. 32-38 [On-line] (дата обращения: 21.03.2023) Доступно: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravomerno-prichinenie-vreda-litsu-sovershivshemu-prestuplenie-problemy-ugolovno-pravovoy-reglamentatsii>
 14. ФАЙГЕР, Анатолие. *Обоснованный риск*, Bălți: Tipogr. Din Bălți S. R. L., 2009, 232 с. ISBN 978-9975-4038-2-5